

УДК 94(470)+325.254.4(470)
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-5-12
EDN: JUSKYW

С. В. СМИРНОВ

Уральский федеральный
университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург

«ТОЛЬКО АНАРХИЯ МОЖЕТ ДАТЬ НАМ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОБЕДИТЬ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ»: ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА ГЕНЕРАЛА М. К. ДИТЕРИХСА РУКОВОДСТВУ РОВС (1930)

В статье предпринят анализ хранящейся в фондах Бахметевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета докладной записки начальника Шанхайского отделения Обще-Воинского Союза генерала М. К. Дитерихса руководству РОВС, практически неизвестной отечественным исследователям. Текст докладной записки показывает расхождение между реалистичной оценкой автором международной ситуации на Дальнем Востоке, положения в дальневосточных районах СССР, где наблюдался рост недовольства мероприятиями советской власти, а также состояния белой эмиграции в Китае и изложением перспектив антисоветского движения, основанных на вере Дитерихса в исключительно репрессивную и духовно чуждую русскому народу сущность советской власти и готовность значительной части рядовой военной эмиграции к жертвенности в деле свержения «большевистского ига», что в итоге негативно влияло на ход антисоветской борьбы.

Ключевые слова: белая эмиграция, антисоветское движение, М. К. Дитерихс, Дальневосточный отдел РОВС, Бахметевский архив, Шанхай, Китай.

Постановка проблемы. За последние тридцать лет отечественная историческая наука сделала огромный вклад в изучение истории русской военной эмиграции, превратившейся в самостоятельное исследовательское направление. Как показывают историографические и библиометрические изыскания, были защищены десятки кандидатских и докторских диссертаций, посвященных русской военной эмиграции, опубликованы сотни монографий и статей [1–3], осуществлены многочисленные издания отдельных произведений военных эмигрантов. Однако основная часть этого множества относится к военной эмиграции, нашедшей свое пристанище в Европе, в то время как ее восточная ветвь изучена гораздо менее тщательно.

Важную проблему здесь составляет недостаточность источниковой базы, в частности небольшое

количество содержащихся в отечественных архивах коллекций документов (при их малочисленности и разрозненности) военной эмиграции восточной ветви, в рамках которой особое место занимал Китай. В России существует только два архива, где хранятся документы русской военной эмиграции восточной ветви. Это Государственный архив РФ (в основном фонды Русского заграничного исторического архива в Праге) и Государственный архив Хабаровского края (фонды Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи). Материалы, содержащиеся в других архивах, как РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив), РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории), Центральный архив ФСБ, АВПРФ (Архив внешней политики Российской Федерации), являются про-

дуктом структур, для которых белая эмиграция была непосредственным врагом.

Основная часть документов русской военной эмиграции восточной ветви находится в фондах американских архивов (Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете и Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета) и общественных организаций (Музей русской культуры в Сан-Франциско) и плохо известна отечественным исследователям. Между тем знакомство с документами таких крупных военных организаций, как Дальневосточный отдел Русского Обще-Воинского Союза (РОВС), позволяет лучше понять стратегию и особенности антисоветской борьбы на Дальнем Востоке, а также причины неудач военной эмиграции в этом противостоянии. Этим и определяется цель предпринимаемого в настоящей статье анализа докладной записки Генерального штаба генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса (1874–1937), начальника Дальневосточного отдела РОВС (1930–1937), направленной начальнику Обще-Воинского Союза генералу Е. К. Миллеру в июле 1930 г. из Шанхая. Текст докладной записки хранится в фондах Бахметевского архива и Музея русской культуры.

Генерал Дитерихс, чья фигура несколько особняком стоит в истории Гражданской войны и военной эмиграции, в немалой степени благодаря появившейся сначала в эмиграции, а позднее утвердившейся в советской историографии оценке его личности как религиозно-мистически одержимого монархиста [4, с. 22, 27; 5, с. 166], редко становится объектом исследовательского интереса [6–8], а его письменное наследие эмигрантского периода, за исключением книги «Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале» (1922), практически неизвестно.

Последний правитель последнего белого правительства на территории России — Дитерихс после краха белого Приморья и неудачных попыток сохранить интернированные в конце 1922 г. в Китае части Приамурской Земской рати в качестве воинского контингента, способного продолжить борьбу против советской власти, был вынужден в 1923 г. уехать в Шанхай и отошел от всякой политической деятельности до 1930 г. Возвращение генерала к активной антибольшевистской работе было связано с похищением в Париже советской разведкой начальника РОВС генерала А. П. Кутепова и распространявшимися в эмигрантских кругах Китая сведениями о подъеме антисоветского повстанческого движения на советском Дальнем Востоке. Зимой–весной 1930 г. Дитерихс сформировал из своих бывших соратников по Гражданской войне, откликнувшихся на его призыв, Урало-Приамурскую группу РОВС, имевшую три региональных отделения, и учредил Фонд помощи России.

В марте 1930 г. с образованием Шанхайского отделения Дальневосточного отдела РОВС Дитерихс занял положение его временного начальника и вскоре получил предложение от начальника Дальневосточного отдела генерала М. В. Ханжина возглавить отдел, о чем Ханжин, не имевший возможности в полной мере выполнять возложенные на него функции и тяготившийся этим, ходатайствовал перед сменившим Кутепова на посту начальника РОВС генералом Е. К. Миллером. Дитерихс, сомневавшийся в целесообразности выдвижения своей кандидатуры в качестве начальника отдела,

тем не менее составил детальный доклад о своем видении современной ситуации на Дальнем Востоке и перспективах борьбы с советской властью. В первых числах августа 1930 г., когда докладная записка Дитерихса еще находилась на пути в Европу (в канцелярии РОВС ее получение документировано 12 сентября), в Шанхай прибыл приказ Миллера о назначении Дитерихса начальником Дальневосточного отдела РОВС.

Основная часть. Докладная записка, представленная на 71 машинописном листе, имеет три части: 1) основные принципы, на которых, по мнению Дитерихса, должна строиться работа по свержению советской власти; 2) характеристика обстановки на Дальнем Востоке как в ее внешнем (роль и интересы Японии, СССР, Китая и США), так и внутреннем (положение на советском Дальнем Востоке и состоянии эмиграции) аспектах; 3) основные мероприятия т. н. подготовительного этапа борьбы с советской властью.

Основные принципы, являвшиеся для Дитерихса руководством в его антисоветской деятельности, сводятся к отрицанию военной интервенции как инструмента свержения советской власти, которое может осуществиться только «русскими руками» и только тогда, когда народные массы России («крестьяне, рабочие, горожане, красная армия и флот»), «пробудятся от той ужасной, кошмарной пассивности, моральной апатии, в которой они ныне обретаются». Как отмечает Михаил Константинович, работа эмиграции «должна быть направлена ТОЛЬКО на помощь народу пробудиться от его пассивности, от его моральной спячки, подвигнуть его к сопротивлению, противодействию и, наконец, к восстанию совместно с нами против советской власти и к вооруженной борьбе с ее приспешниками». Все «политические вопросы о будущих формах государственного строительства России» должны быть отброшены до «освобождения от большевистского ига», когда народная масса, пережившая пробуждение «здоровых принципов своей исторической, религиозно-национальной идеологии, сама станет на правильные пути политического возрождения» [9, с. 1, 2]¹.

Обращаясь к характеристике внешней обстановки на Дальнем Востоке, Дитерихс указывает, что местные русские эмигрантские организации менее стеснены в своей работе, нежели организации в Европе. Главное не нарушать принципы международного характера в сношениях с иностранцами и «общих положений общественной тишины и спокойствия». Даже открытое присоединение эмиграции к выступлениям в советских областях Дальнего Востока не вызовет у иностранцев вопросов в допустимости этого, а очень протяженная граница между Китаем и Россией не позволит оказать «серьезное давление на свободу наших действий». В то же время рассчитывать на материальную помощь со стороны иностранных держав русскому национальному движению не приходится, поскольку ни Япония, ни Китай не заинтересованы «иметь по соседству сильную, объединенную, национальную Россию» [9, с. 3–5].

Главным противником русских национальных интересов на Дальнем Востоке Дитерихс видит Японию, которая с 1918 г. «проводит политику создания на русском Дальнем Востоке лимитрофных, местных государственных объединений», ярким примером чего являлась поддержка японцами «засевшего в Чите соловья-разбойника Семенова» в противо-

вес правительству адмирала А. В. Колчака. По мнению генерала, японцы с 1926 г. возобновили тайную деятельность по созданию лимитрофов, выдвинув Г. М. Семенова в деле формирования Монголо-Бурятского буфера и поддержав сибирских областников во главе с М. П. Головачевым, как представителей сепаратистских течений в Сибири [9, с. 5, 6]. Также, предполагает Дитерихс, возможно, японцы, движимые глубоким страхом перед сильной национальной Россией, доставляют оружие красным партизанам и хунхузам Приморья в надежде отделить от СССР Приморскую и Амурскую области и образовать здесь «лимитроф какого угодно политического типа, но вне тесной зависимости от Москвы». Поэтому в отношениях с Японией белой эмиграции необходимо проявлять осторожность и осмотрительность, сохраняя любезность и полную предупредительность, но никогда не забывая, что у японцев «всегда если не кинжал, то камень за пазухой по отношению ко всякому русскому национальному деятелю» [9, с. 8].

Оценка Дитерихса деятельности Японии и особенностей выстраивания с нею отношений расходилась с линией Миллера, предписывавшей установление связей с Японией даже путем соглашения на создание на российской дальневосточной территории буферного государства, что ни к чему не обязывало РОВС в его тогдашнем «безответственном положении» [10, с. 350].

Ту же провокационную политику Японии Михаил Константинович видит в отношении Китая и его попыток обрести национальное объединение. Оставаясь носителем имперских ориенталистских взглядов на Китай, Дитерихс полагает, что китайцы после российской революции забыли прежнюю вражду к русским, обусловленную имперской политикой России, и страх перед сильным соседом, и, «осознавая превосходство русских перед их народом и деятелями», готовы «использовать русскую белую эмиграцию, и в особенности ее военный контингент, как инструкторов в целях подготовки своей окончательной и решительной борьбы с Японией» [9, с. 9]. Такая кооперация не вызывает у него отторжения в отличие от участия русских военных в китайских генеральских междоусобицах. Дитерихс крайне негативно оценивает деятельность Русской группы войск в армии генерала Чжан Цзунчана (1924–1928) [11], называя тех, кто в ней служил, «подонками военной и мальчишеской эмиграции», руководимыми преимущественно генералами и офицерами атамана Семенова.

Как считает автор докладной записки, Япония в стремлении сохранить раздробленность Китая поддержала Советский Союз в вооруженном конфликте с китайской стороной на Китайской Восточной железной дороге (КВЖД) в 1929 году².

Но в своей «политической слепоте» японцы себе во вред способствуют скрытой милитаризации большевиками бывшей полосы отчуждения КВЖД, особенно ее западной линии, и продолжению советской политики «революционизации» Китая. В свою очередь Китай, желая в будущем избавиться от столкновения собственных и советских интересов в Северной Маньчжурии, добивается выкупа железной дороги, что, по мнению Дитерихса, могло бы привести к выдворению большевиков из Маньчжурии, улучшению материального положения русской эмиграции и, главное, улучшению условий работы РОВС в приграничных районах советского Дальнего Востока, которая пока благодаря

активной деятельности ГПУ крайне затруднена [9, с. 12–14].

Как следует из дальнейших размышлений Михаила Константиновича, определенные перспективы для белой эмиграции могло бы иметь установление контактов с Североамериканскими Штатами, чье столкновение с Японией в борьбе за Тихоокеанский регион становится все неизбежнее. Однако «несчастье для белой России заключается в том, что Американцы абсолютно не способны разбираться в политической физиономии своих русских сотрудников и совершенно не понимают русского народа», поэтому в числе тех, с кем они имеют дело, находятся преимущественно русские евреи и эмигранты, работавшие на большевиков (в частности, полковник А. Ф. Гуцин и генерал П. П. Иванов-Ринов) [9, с. 17, 18].

Анализируя внутреннюю обстановку на Дальнем Востоке, Дитерихс дает самостоятельную оценку ситуации в пределах советской территории и характеру белой эмиграции в Китае. Согласно докладной записке, сведения ровсовцев о положении на советском Дальнем Востоке формировались за счет прослушивания советских дальневосточных радиопередач (РОВС имел в Шанхае собственную радиостанцию) и информации, полученной от работающих в приграничье контрабандистов, эмигрантских партизанских отрядов (частично находились в подчинении Братства Русской Правды, с которым Дитерихс сотрудничал. — С. С.) и советских перебежчиков. Сам Дитерихс считал эти сведения далеко не полными, не позволявшими составить реалистичную картину ситуации.

Непреложным фактом для Дитерихса являлось падение авторитета центральной власти и рост недовольства в среде советского населения Дальнего Востока, вызванные «неуклюжей» политикой и многочисленными «перегибами», особенно в деле организации колхозов. Но мощь советского государства еще очень велика, тогда как наблюдающийся некоторый подъем повстанческого движения [14, 15] «не имеет признаков духовно-нравственно-патриотического пробуждения», а его масштабы крайне раздуты эмигрантской прессой. И самое важное, что «главный фактор борьбы, без которого не может быть серьезного восстания, — красная армия еще не готова открыто выступить на стороне народа», несмотря на то, что в армию вместе с новыми призывниками из деревни начинает проникать недовольство и появляются первые признаки пробуждения национальных чувств в среде красногосударства [9, с. 25–30].

Кризис колхозного строительства, по мнению Дитерихса, может привести к сильному голоду уже зимой 1930–1931 гг. и вызвать мощный всплеск выступлений. Советская власть укрепляет свои позиции, формируя интернациональные отряды из японских и корейских коммунистов и пленных китайских солдат времен конфликта 1929 г., готовая «принести в жертву все русское население Дальнего Востока и русскую красную армию» [9, с. 31, 32]. Чтобы максимально полно использовать складывающуюся обстановку, считает Дитерихс, белой эмиграции необходима серьезная подготовка, которая позволит разбудить русский народ и перейти к революционному свержению советской власти.

Переходя к характеристике белой эмиграции Дальнего Востока, Михаил Константинович отмечает, что ее главной чертой является децентрализация, в полной мере относящаяся к военным

и антибольшевистским организациям. Причины этого начальник Шанхайского отделения РОВС видит во влиянии революции 1917 г. и особенностях формирования дальневосточной эмиграции.

Наиболее ранний слой русского населения Китая был связан со строительством КВЖД и развитием российской коммерческой деятельности на Дальнем Востоке — «все это осело здесь прочно, эгоистично и с полным достатком». Оторванный от событий в России, этот слой людей, в ряды которых Дитерихс включает бывшего управляющего КВЖД генерала Д. Л. Хорвата, бывшего генерал-губернатора Приамурского края Н. Л. Гондатти, бывшего российского Генерального консула в Шанхае В. Ф. Гроссе и др., относится к большевизму и его неприемлемости чисто теоретически, «как чему-то вышедшему из низов, подонков и являющемуся, до некоторой степени, нарушителем его благопокою, мирного процветания и благополучия на КВЖД» [9, с. 37].

Последовавшая за революционными событиями 1917 г. русская эмиграция в Китай имела, по мнению Дитерихса, четыре волны и состояла преимущественно из военных. Говоря о современном составе дальневосточной эмиграции, Михаил Константинович ошибочно указывает, что не менее 80 % эмигрантов — это бывшие военные, 10 % — служащие КВЖД и 10 % — гражданский элемент, преимущественно торговцы, промышленники и учебный персонал [9, с. 43]. Однако даже в Шанхае, где количество бывших военных в составе эмигрантской колонии в сравнении с другими эмигрантскими центрами Китая было очень велико, оно не превышало 60 процентов. Тогда как в Маньчжурии, даже при причислении к военным всех казаков, было менее 50 процентов.

На основании своих выкладок Дитерихс полагает, что по причине почти полного отсутствия на Дальнем Востоке «общественной интеллигенции» создание здесь общественно-политического центра невозможно, в отличие от образования общего воинского центра, «военной семьи», огражденной от общественно-политических влияний. Но для реализации этой задачи существуют мощные препятствия.

Прежде всего, неоднородность военной эмиграции и противоречия между ее отдельными группами, оформившиеся еще в годы Гражданской войны. Дитерихс выделяет, по крайней мере, три антагонистические группы в рядах военной эмиграции Дальнего Востока: бывшие военнослужащие частей атамана Семенова («семеновцы») и других атаманов, заслужившие «плохую репутацию своей разбойничье-грабительской деятельностью»; фронт и тыл армии адмирала Колчака, взаимно не доверявшие друг другу и осуждавшие друг друга [9, с. 40, 41].

К тылу, обвинявшемуся фронтом в период Гражданской войны в Сибири в «политиканстве» и отказавшемуся от продолжения антибольшевистской борьбы в 1920 г., Михаил Константинович относит практически всех старших генералов-генштабистов, проживавших в Китае, — Н. Г. Володченко, В. В. Рычкова, С. Н. Люпова, А. И. Андогского, П. Г. Бурлина. В эту когорту мог бы быть включен и сам Дитерихс, только на последнем этапе Белого движения, летом 1922 г., вернувшийся к продолжению борьбы с советской властью и в дальнейшем возглавивший Приамурское государственное объединение.

Дитерихс указывает на большую раздробленность военной эмиграции (до 50 организаций бывших военных в одном только Харбине), отсутствие «крупных, сильных, красочных военных личностей», тогда как «авантюристов, демагогов и честолюбцев... слишком чем достаточно», а также широкое распространение среди старших чинов «болезни игры в общественность» (активное участие в жизни общественно-политических организаций и руководство ими) как прямое следствие 1917 года. Свою лепту в развитие «игры в общественность» вносят такие крупные фигуры русской эмиграции на Дальнем Востоке, как генерал Хорват, глава Дальневосточного объединения эмиграции, и митрополит Харбинский и Маньчжурский Мефодий, собравший под своей рукой самые разнообразные организации, состоящие в основном из «бывших военных тыловой категории и юношеской, хулиганствующей молодежи» [9, с. 44, 46–49]. Изменить ситуацию, по мнению генерала, возможно только путем выдвижения на первый план флага РОВС как организации не местечковой, а мировой, искоренения «болезни игры в общественность» в военных кругах и преимущественной опоры в антисоветской работе на рядовое офицерство и отдельных молодых генералов.

Уже в докладной записке Дитерихс сетует на то, что старшее офицерство поддержало его инициативу по выдвижению Обще-Воинского Союза только внешне. Как покажут дальнейшие события, Михаил Константинович так и не сумеет найти общий язык со старшими воинскими чинами на протяжении всего периода своего возглавления Дальневосточного отдела РОВС [8].

Из всего множества русских офицеров, находившихся в Маньчжурии, Дитерихс называет только трех человек, «пытавшихся работать на почве непосредственной борьбы с советской властью», — генералов Е. Г. Сычева, И. Ф. Шильникова и Н. П. Сахарова. Хотя и дает им, особенно Шильникову и Сахарову, далеко не лестные характеристики, указывая, что в будущем они могут быть использованы «для более продуктивной работы, но при непременном условии их абсолютного подчинения РОВС» и принятии к исполнению только его указаний и требований [9, с. 51–53].

Среди функционировавших в Маньчжурии партизанских отрядов Дитерихс называет наиболее серьезными отряды есаулов [И. А.] Пешкова и Зуева (путает с И. И. Зыковым. — С. С.), созданные в Трехречье в период советско-китайского конфликта и являвшиеся объектом соперничества между атаманом Семеновым, с одной стороны, и митрополитом Мефодием и генералом В. Д. Косминым — с другой. Сами отряды считали себя вполне самостоятельными, но «готовы [были] принимать деньги от кого угодно». Вся их деятельность, по мнению Михаила Константиновича, сводилась к грабежу местного трехреченского китайского и русского населения, в связи с чем трехреченцы настойчиво просили китайские власти оградить их от партизан [9, с. 54, 55].

Последний раздел докладной записки посвящен намечаемым Дитерихсом мероприятиям т. н. подготовительного этапа антисоветского революционного движения. По прогнозам генерала, предполагаемый спад сельскохозяйственного производства в связи с провалом политики колхозного строительства может уже зимой 1930–1931 гг. спровоцировать сильный голод и привести к сокращению

продовольственных пайков, в том числе в Красной армии, что усилит нарастание на Дальнем Востоке «революционного анархического движения», ускорит разложение армии и облегчит установление с нею связи.

Апеллируя к опыту великих революций, Дитерихс выделяет четыре периода, которые «должно пройти революционизирующее государство для своего, затем, здорового, национального и прогрессивного возрождения: 1) уничтожение старого строя, 2) попытка утверждения теоретического социального строя, 3) период анархии и 4) начало возрождения» [9, с. 56]. В современных событиях на советском Дальнем Востоке Михаил Константинович усматривает приближение анархического периода, в связи с чем выдвигает в качестве главной задачи Дальневосточного отдела РОВС всемерную поддержку назревающей анархии («только анархия может дать нам возможность победить советскую власть»), чтобы в дальнейшем поставить ее под свой контроль.

Для реализации поставленной задачи Дитерихс предлагает проведение ряда конкретных мероприятий: «1) сбор средств и образование Фонда (на самом деле Фонд помощи России был учрежден еще весной 1930 г. в рамках организации Урало-Приамурской группы. — С. С.); 2) организация постоянной, прочной связи с населением, повстанцами и местными партизанскими отрядами, красной армией; 3) пропаганда по всем трем направлениям связи; 4) материальная помощь населению [советского Дальнего Востока], материальная и людская помощь повстанцам и местным партизанам, установление условий сотрудничества с красной армией; 5) организация собственных небольших партизанских отрядов для осуществления разведки на советской территории, проверки донесений с мест и усиления связи с местными партизанами; 6) подготовка инструкторских кадров для принятия в нужный момент руководства повстанчеством и местными партизанами; 7) подготовка необходимого количества карт района русского Дальнего Востока от Байкала на восток до океана» [9, с. 57, 58].

Из перечисленных мероприятий наиболее первоочередным генерал видит сбор средств и образование Фонда. Только наличие денежных средств (желательно крупных) могло обеспечить, по мнению Дитерихса, помощь «бедствующему и страдающему населению советского Дальнего Востока» и укрепить его доверие к эмиграции, а также наладить связь с местными партизанами и Красной армией, и масштабную работу по организации собственных партизанских отрядов и инструкторских подразделений. Вполне оправданно, не веря в поддержку внешних сил, начальник Шанхайского отделения РОВС делал упор на развитии жертвенности в эмигрантской среде, указывая, что если сегодня не удастся пробудить жертвенность эмиграции хотя бы в готовности служить рублем своему народу, то, когда дело дойдет до «отчаянной, напряженной борьбы, масса окажется неспособной проявить высший предел жертвенности — в жертве своей жизнью» [9, с. 59].

В качестве позитивного примера проявления жертвенности в среде военной эмиграции Михаил Константинович показывает работу Урало-Приамурской группы, в то же время сетуя, что отсутствие централизации в эмигрантской среде и активизировавшаяся деятельность разнообразных «общественных» центров и собраний приве-

дут к напрасному распылению даже тех небольших средств, которыми можно было бы располагать, а необходимость вести внутреннюю борьбу по изживанию эгоистических настроений в рядах эмиграции грозит упустить драгоценное время и даст возможность советской власти укрепить свои позиции и продолжить продвижение в Китае линии III Интернационала. Долг перед своим народом и угроза революционизации советской властью Китая — вот то, что, с точки зрения Дитерихса, должно было бы способствовать росту сознательности и жертвенности эмиграции, но, резюмирует Михаил Константинович, в отношении русской эмиграции полностью справедлива поговорка «пока гром не грянет — мужик не перекрестится» [9, с. 62, 63].

Для объединения денежных средств, поступающих от военных эмигрантов-членов РОВС в виде взносов, Дитерихс просил центр утвердить созданный им Фонд помощи России в качестве Дальневосточного отдела Фонда спасения Родины имени Великого Князя Николая Николаевича, о существовании которого генерал не знал в момент создания собственного фонда. В этом вопросе центр пошел навстречу Михаилу Константиновичу, и в августе 1930 г. произошла реорганизация.

В качестве важной меры консолидации дальневосточной военной эмиграции и избавления ее от «болезни общественности» генерал видел запрещение центром членам РОВС одновременно состоять в «политическо-общественной организации генерала Хорвата или церковно-общественной организации Митрополита Мефодия» [9, с. 65]. Как покажут дальнейшие события, осенью 1930 г. Дитерихс и Хорват объединятся под общим «николаевским» флагом, разграничив между собой руководство военными и гражданскими организациями эмиграции. Однако полного перехода бывших военных из состава общественных организаций в структуры РОВС и отказа от политической активности не произойдет.

По линии развития связей с советскими партизанами и Красной армией и организации собственных партизанских и инструкторских подразделений начальник Шанхайского отделения РОВС придавал особое значение Урало-Приамурской группе, которой отводилась роль Авангарда, в то время как остальные подразделения Дальневосточного отдела должны были составлять резерв. На базе Харбинского и Маньчжурского отделов Урало-Приамурской группы (временный начальник — полковник А. С. Бодров) предполагалось подготовить три тысячи инструкторов, по тысяче на каждую из дальневосточных областей Советского Союза. В случае широкомасштабного восстания на советской территории именно Авангард должен был взять на себя руководство повстанческим движением одновременно с вторжением резерва в советские пределы. Из трех направлений вторжения приоритет отдавался Амурскому³.

Накопление Авангарда на советской территории в рядах местных повстанцев и партизан планировалось осуществлять постепенно, а не путем перехода границы крупным эмигрантским подразделением. Нехватку оружия и финансовых средств предполагалось решить предварительной переброской на советскую территорию отряда из трехсот отборных партизан, в задачи которых должны были входить налеты на советскую милицию, отряды ГПУ и советские склады и экспроприация сумм в советском казначействе, торговых и коммерческих

организациях. Часть экспроприированных сумм подлежала передаче местному населению, часть — в Фонд спасения Родины. Во время своих акций партизаны должны были избегать нападения на рядовых граждан и Красную армию, подчеркивая, что их борьба осуществляется только против советской власти и коммунистов. Только после того, как Авангарду совместно с Красной армией удастся закрепить пограничные районы за повстанческим движением, планировалось ввести в действие основную массу резервов [9, с. 68–71].

В завершение докладной записки генерал Дитерихс «ввиду важности задачи, выпадающей на авангард Дальневосточного Отдела РОВС» предлагал собственную кандидатуру на его возглавление.

Выводы. Докладная записка генерала Дитерихса демонстрирует парадоксальное сочетание вполне реалистичной оценки внутренней и внешней ситуации на Дальнем Востоке и основных характеристик белой эмиграции, мало благоприятных для успешного развития антисоветского движения, и в то же время позитивного взгляда на перспективы свержения советской власти в России, что является не плодом рациональной стратегии, а вопросом веры.

Разделяя взгляд на историческую обусловленность эволюции любого государства, ввергнутого в состояние революции, Михаил Константинович усматривает в современных реалиях провал планов большевиков по созданию социальной утопии («теоретического социального строя») и начинающееся скатывание страны к «анархическому состоянию», о чем говорят рост недовольства и примеры повстанческого движения в восточных районах СССР. Разрастающаяся анархия делает советскую власть особенно уязвимой и дает эмиграции шанс освободить Россию от «ига большевиков». В связи с этим главную задачу Дальневосточного отдела РОВС его будущий начальник видит в «раздувании» анархии на советской территории.

Ошибка Дитерихса, как и многих других деятелей белой эмиграции, являлось пониманием советской власти исключительно в контексте ее репрессивной природы, в виде «ига» чуждого, в том числе в национальном плане (евреи, инородные интернационалисты), элемента для русского народа, который бедствует и страдает под его ярмом. Данное положение обуславливало веру в возможность «пробуждения» русского народа (и как части его — Красной армии) и будущего «возрождения» русской национальной государственности. Подчеркивая особую роль эмиграции, прежде всего ее военной части, в деле «пробуждения» русского народа и активизации его сопротивляемости советской власти, Дитерихс вновь опирается не на реальную ситуацию, а на веру в «жертвенность», присущую значительной части эмиграции, в осознание ею своего долга перед страдающим народом. Он идеализирует «рядовое офицерство», в массе своей далекое в отличие от старшего офицерского корпуса от разлагающей «чистое воинство» политики, которое в его планах выступает в качестве авангарда в реализации подготовительного этапа революционного движения в России. Практика руководства Дальневосточным отделом РОВС серьезно поколеблет веру Дитерихса в возможность влияния эмиграции, расколотой, изверившейся и почти в одиночку противостоящей советской власти, на процесс «пробуждения» русского народа в советской России.

Примечания

¹ Здесь и далее при цитировании «Докладной записки» указывается оригинальная нумерация страниц документа.

² Интересно отметить, что аналогичная точка зрения представлена в работах отечественных историков, изучавших советско-китайский конфликт [12, 13].

³ Важно отметить, что осенью 1941—весной 1942 гг. в рамках подготовки реализации японского плана Кантокуэн (Особые маневры Квантунской армии) именно на Амурском направлении должен был действовать сформированный в составе армии Маньчжоу-го из русских эмигрантов разведывательно-диверсионный отряд Асано.

Библиографический список

1. Александров К. М. История военной эмиграции в 1930–1955 гг.: достигнутые результаты и перспективы изучения // Нансеновские чтения 2010. Санкт-Петербург: РОО ИКЦ Русская эмиграция, 2012. С. 27–52. ISBN 978-5-905042-25-6.
2. Пронин А. А. Российская эмиграция в отечественных диссертационных исследованиях 1980–2016 гг.: в 2 т. Москва: Директ-Медиа, 2019. Т. 1. 489 с. ISBN 978-5-4499-0447-8.
3. Серегин А. В. Русская военная эмиграция: из истории изучения в отечественной историографии // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия «Исторические науки. История России». 2014. № 19 (141). С. 183–192.
4. Иванов В. Н. Крах белого Приморья: Из записок журналиста. Тяньцзинь: [Б. и.], 1927. 30 с.
5. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Мысль, 1986. 272 с.
6. Генерал Дитерихс / ред. и сост. В. Ж. Цветков. Москва: Посев, 2004. 634 с.
7. Цветков В. Ж. Михаил Константинович Дитерихс // Вопросы истории. 2013. № 2. С. 34–58. EDN: TXOJCR.
8. Смирнов С. В. Генерал М. К. Дитерихс во главе Дальневосточного отдела РОВС // Новый исторический вестник. 2016. № 2 (48). С. 162–179.
9. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Russkii Obshche-Voinskii Soiuz (ROVS) Papers. Box 68. F. Far East to Central Office (1927–1931).
10. Смирнов С. В. Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 — конец 1940-х годов). Москва: Самиздат, 2019. 712 с. ISBN 978-5-532-08798-9.
11. Балмасов С. С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. Москва: Центрполиграф, 2007. 559 с. ISBN 978-5-9524-2758-7.
12. Крюков В. М., Крюков М. В. КВЖД 1929: Взрыв и эхо. Москва: Ин-т востоковедения РАН, 2017. 624 с. ISBN: 978-5-89282-740-9.
13. Мелихов Г. В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). Москва: Русский путь, 2007. 320 с. ISBN 978-5-98454-011-7.
14. Караман В. Н. Сианское восстание крестьян // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 6–11. EDN: YWWTBX.
15. Титов В. Ю. Дальний Восток: от несогласия к протесту (конец 1920-х — середина 1930-х годов) // Вестник Евразии. 2003. № 1. С. 67–90. EDN: HYRTED.

СМИРНОВ Сергей Викторович, доктор исторических наук, доцент (Россия), профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
AuthorID (РИНЦ): 109346
ORCID: 0000-0001-9283-8166
AuthorID (SCOPUS): 56768978800

Для цитирования

Смирнов С. В. «Только анархия может дать нам возможность победить советскую власть»: докладная записка гене-

Статья поступила в редакцию 11.04.2024 г.
© С. В. Смирнов

UDC 94(470)+325.254.4(470)
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-5-12
EDN: JUSKVW

S. V. SMIRNOV

Ural Federal University named after
the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia

«ONLY ANARCHY CAN GIVE US THE OPPORTUNITY TO DEFEAT THE SOVIET GOVERNMENT»: A MEMORANDUM BY GENERAL M. K. DIETERICHS TO THE LEADERSHIP OF THE ROVS (1930)

The article analyzes a memo from the head of the Shanghai branch of the General Military Union, General M. K. Dieterichs, to the leadership of the ROVS, which is practically unknown to domestic researchers. The document is kept in the collections of the Bakhmetev Archive of Russian and Eastern European History and Culture at Columbia University. The text of the memo shows the discrepancy between the author's realistic assessment of the international situation in the Far East, the situation in the Far Eastern regions of the USSR, where there was an increase in discontent with the activities of the Soviet government, as well as the state of White emigration in China and the presentation of the prospects of the anti-Soviet movement based on Dieterichs' belief in the exclusively repressive and spiritually alien Russian people essence of Soviet power and readiness a significant part of the ordinary military emigration to sacrifice in the overthrow of the «Bolshevik yoke». In the end, this discrepancy had a negative impact on the course of the anti-Soviet struggle.

Keywords: White emigration, anti-Soviet movement, M. K. Dieterichs, Far Eastern Department of the ROVS, Bakhmetev Archive, Shanghai, China.

References

1. Aleksandrov K. M. Istoriya voyennoy emigratsii v 1930–1955 gg.: dostignutyie rezul'taty i perspektivy izucheniya [History of military emigration in 1930–1955: achieved results and prospects of study] // Nansenovskiye chteniya 2010. *Nansen Readings 2010*. Saint Petersburg, 2012. P. 27–52. ISBN 978-5-905042-25-6. (In Russ.).
2. Pronin A. A. Rossiyskaya emigratsiya v otechestvennykh dissertatsionnykh issledovaniyakh 1980–2016 gg. [Russian emigration in domestic dissertation studies 1980–2016]. In 2 vols. Moscow, 2019. Vol. 1. 489 p. ISBN 978-5-4499-0447-8. (In Russ.).
3. Seregin A. V. Russkaya voyennaya emigratsiya: iz istorii izucheniya v otechestvennoy istoriografii [Russian military emigration: from the history of study in Russian historiography] // Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki. Istoriya Rossii. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Historical Sciences. History of Russia»*. 2014. No. 19 (141). P. 183–192. (In Russ.).
4. Ivanov V. N. Krakh belogo Primor'ya: Iz zapisok zhurnalista [The Collapse of White Primorye: from the notes of a journalist]. Tianjin, 1927. 30 p. (In Russ.).
5. Shkarenkov L. K. Agoniya beloy emigratsii [The agony of White Emigration]. 2nd ed. Moscow, 1986. 272 p. (In Russ.).
6. General Dieterikhs [General Dieterichs] / Ed. and comp. V. Zh. Tsvetkov. Moscow, 2004. 634 p. (In Russ.).
7. Tsvetkov V. Zh. Mikhail Konstantinovich Dieterikhs [Mikhail Konstantinovich Dieterikhs] // Voprosy istorii. *Voprosy Istorii*. 2013. No. 2. P. 34–58. EDN: TXOJCR. (In Russ.).
8. Smirnov S. V. General M. K. Dieterikhs vo glave Dal'nevostochnogo otdela ROVS [Dieterikhs at the head of the Far Eastern Division of the Russian All-Military Union] // Novyy istoricheskiy vestnik. *The New Historical Bulletin*. 2016. No. 2 (48). P. 162–179. (In Russ.).
9. Bakhmeteff Archive of Russian and East European Culture (BAR). Russkii Obsheche-Voinskii Soiuz (ROVS) Papers. Box 68. F. Far East to Central Office (1927–1931). (In Russ.).

10. Smirnov S. V. Dal'nevostochnyy tupik: russkaya voyennaya emigratsiya v Kitaye (1920 – konets 1940-kh godov) [Far Eastern Deadlock: Russian Military Emigration in China (1920s – late 1940s)]. Moscow, 2019. 712 p. ISBN 978-5-532-08798-9. (In Russ.).

11. Balmasov S. S. Beloemigranty na voyennoy sluzhbe v Kitaye [White emigrants on military service in China]. Moscow, 2007. 559 p. ISBN 978-5-9524-2758-7. (In Russ.).

12. Kryukov V. M., Kryukov M. V. KVZhD 1929: Vzryv i echo [CER 1929: Explosion and echo]. Moscow, 2017. 624 p. ISBN 978-5-89282-740-9. (In Russ.).

13. Melikhov G. V. Rossiyskaya emigratsiya v mezhdunarodnykh otnosheniyakh na Dal'nem Vostoke (1925 – 1932) [Russian emigration in international relations in the Far East (1925 – 1932)]. Moscow, 2007. 320 p. ISBN 978-5-98454-011-7. (In Russ.).

14. Karaman V. N. Sianskoye vosstaniye krest'yan [Xi'an peasant uprising] // Rossiya i ATR. *Russia and the Pacific*. 2005. No. 4. P. 6 – 11. EDN: YWWTBX. (In Russ.).

15. Titov V. Yu. Dal'niy Vostok: ot nesoglasiya k protestu (konets 1920-kh – seredina 1930-kh godov) [The Far East: from Dissent to Protest (late 1920s – mid-1930s)] // Vestnik Evrazii. *Acta Eurasica*. 2003. No. 1. P. 67 – 90. EDN: HYRTED. (In Russ.).

SMIRNOV Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg.

AuthorID (RSCI): 109346

ORCID: 0000-0001-9283-8166

AuthorID (SCOPUS): 56768978800

ResearcherID: R-4129-2019

Correspondence address: smirnov_sergei@mail.ru

For citations

Smirnov S. V. «Only anarchy can give us the opportunity to defeat the Soviet government»: a memorandum by General M. K. Dieterichs to the leadership of the ROVS (1930) // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2024. Vol. 9, no. 3. P. 5 – 12. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-5-12.

Received April 11, 2024.

© S. V. Smirnov